

УДК 378:37.031.4:101.1

О РОЛИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Б.Я.ПУКШАНСКИЙ

Санкт-Петербургский горный университет, Россия

Статья содержит анализ понятий «образование» и «просвещение», их связи и различия. Показано, что хотя в обыденном сознании эти понятия воспринимаются как синонимы, с точки зрения философского дискурса это не вполне так. Имеет смысл понимать «просвещение» как наиболее глубокий, культурный пласт образования, культурную зрелость личности (общества), высокий уровень воспитания (как морального, так и интеллектуального), умственное развитие, свободу от невежества и предрассудков. Просвещение противопоставляет «образованщине», которой свойственно сочетать поверхностную информированность с культурной неразвитостью и даже моральной дикостью. В статье содержатся размышления автора о возможностях просвещения в наше время и трудностях на этом пути. Каждая эпоха рождает свое Просвещение, свои представления об образованности и невежестве, об уме и глупости, о добре и зле в конечном счете. Просветительские принципы в самом общем виде могут выглядеть одинаковыми и для XVII-XVIII в., и для нашего времени (например, «Подвергай все сомнению» – Декарт), но вряд ли явно антишколистическая, антисредневековая направленность этого принципа является наиболее актуальной для нашего времени. Многие сами по себе замечательные идеи новоевропейского Просвещения XX в. не выдержали жесткой проверки: ошибочной оказалась явная идеализация человека и социальных отношений, недооценена эмоциональная и иррациональная сторона человеческой природы, ее потенциальная склонность к нигилизму и деструктивности, к жажде власти и насилию. Возможности разума, раскрывшиеся в научном познании и технологии, не оправдались в моральном, политическом, социальном и идеологическом отношении. «Свет разума» как основа всякого Просвещения оказался слишком слабым, чтобы осветить пути людей и просветить их самих, несмотря на великие достижения науки и техники. Дух Просвещения к началу XXI вв. не победил еще дух насилия, фанатизма и иррационализма. Видимо, требуется Новое Просвещение, которое не просто осветит несовершенному человеку пути-дороги, а научит человека достойно жить, самостоятельно пользуясь собственным «фонарем Диогена».

Все сказанное о роли просвещения в современном образовании имеет прямое отношение к образовательному процессу в Санкт-Петербургском горном университете, задача которого, как сказал его ректор в своем обращении к коллективу Горного университета, состоит не только в подготовке высококвалифицированных специалистов, но и в формировании «настоящих российских интеллигентов, которых отличает широкая образованность, высокие нормы морально-нравственной культуры, порядочность и благородство души».

Ключевые слова: просвещение, образование, философия, наука, критицизм, сциентизм, популяризация, философия образования, «фонарь Диогена», Новое Просвещение.

Как цитировать эту статью: Пукшанский Б.Я. О роли просвещения в современном образовании // Записки Горного института. 2016. Т.221. С.766-772. DOI 10.18454/PMI.2016.5.766.

Подобная постановка вопроса требует определенного терминологического пояснения. В большинстве научных, педагогических и литературных текстов, а также в обычном словоупотреблении термины «образование» и «просвещение» используются и понимаются как синонимы. Ведомства, управляющие образовательным процессом, называются обычно либо министерствами образования, либо министерствами просвещения. То же можно сказать и о книжных издательствах (например, издательство «Просвещение»). И те, кто назвал один из проспектов в Петербурге проспектом Просвещения, вряд ли имели в виду что-то другое. В отношении отдельных школьных предметов термин «просвещение», пожалуй, чаще всего используется почему-то в отношении к образованию математическому [10].

Таким образом, на первый взгляд кажется, что никакой особой проблемы здесь нет, и вопрос этот чисто терминологический. И, тем не менее, это не вполне так. Достаточно задать простой вопрос: «Всякий ли человек, получивший определенное школьное и даже вузовское образование, является просвещенным в каком-то более широком смысле?» Языковая и культурная интуиция подсказывает, что в определенных контекстах термины «образование» и «просвещение» не всегда являются синонимами, что образование образованию рознь и что под просвещением нередко подразумевают определенную качественную характеристику образования. Если «образование» обозначает обычно лишь формальную характеристику, то «просвещение» – это, скорее, позитивно-оценочное понятие в отношении образования. Это некий как бы архетип «Свет», как антитеза архетипу «Тьма» (например, «луч света в темном царстве», «мракобесие» и т.п.). Солженицынская «образованщина», как ясно из самого этого слова, характеризует, конечно, все что угодно, только не просвещение [20]. «Да здравствует солнце, да скроется тьма» (А.С.Пушкин), «Наука – как свеча во тьме» (Карл Саган) о том же. Именно такое понимание Просвещения и его роли в образовании, в общественной и культурной жизни связано, как правило, с идеями европейской философии Просвещения XVII-XVIII вв. [16].

Возникает, однако, вопрос: «Насколько идеи европейского Просвещения прошлого созвучны и актуальны пониманию просвещения как важного элемента современного образования?».

В наиболее авторитетной в настоящее время российской «Новой философской энциклопедии» в статье «Просвещение» на этот счет нет даже намека. Однако иногда в некоторых философских справочных изданиях, например в «Краткой философской энциклопедии», дается более широкое и более современное понимание Просвещения, выводящее последнее за пределы лишь известной философской концепции XVII-XVIII вв.: «Просвещение – течение в области культурной и духовной жизни, ставящее себе целью заменить воззрение, основывающееся на религиозном или политическом авторитете, такими, которые вытекают из требований человеческого разума и могут выдержать критику со стороны каждого индивида в отдельности. Это понятие Просвещения, составлявшего *не раз (курсив наш. – Авт.)* историческую эпоху духовного развития (в античном мире, например, эпоха после смерти Сократа), стала выражением общего процесса, постепенно охватывавшего ряд стран, и в первую очередь Европу (XVII-XVIII вв.), причем в различных государствах и в различных областях жизни этот процесс протекал по-разному» [6, с.369]. Наиболее ярко эти идеи были сформулированы и проявили себя у европейских просветителей XVIII в. – идеи гуманизма, рационализма и скептицизма, свободомыслия, веротерпимости, прав человека, критического отношения к традиционным авторитетам и верованиям, улучшения общественных нравов и морали с помощью борьбы с предрассудками, невежеством и глупостью, апелляция к здравому смыслу и др. Перечисленные главные идеи Просвещения явно выходят за рамки лишь отдельного философского направления XVIII в. и, по нашему мнению, являются вполне подходящими в качестве мировоззренческих ориентиров и современного просвещенного человека.

Мы уже имели неоднократную возможность изложить свою позицию по этому поводу [18, 19]. Суть ее в том, что Просвещение в широком смысле слова не обязательно ограничено идеями тех или иных отдельных философских направлений, названных «философией Просвещения», они в той или иной форме и в соответствии с потребностями тех или иных обществ всегда имели место в разных образовательных и культурных концепциях и включались в прогрессивные системы образования и воспитания. Вместе с тем вопрос «Что такое Просвещение?» сам неоднократно становился предметом философских размышлений. Так, еще в XVIII в. берлинский автор И.Ф.Цолнер поставил этот вопрос в своей статье, подвергнув, по его словам, критике «неразбериху под названием просвещение». Статья вызвала дискуссию, в которой принял участие известный немецкий философ и просветитель М.Мендельсон, опубликовав статью «О вопросе «Что значит просвещать?». В этой дискуссии принял участие и сам И.Кант, также опубликовав статью «Что такое просвещение». Прошло более двух с половиной веков и опять один из наиболее известных современных французских философов М.Фуко возвращается к этому вопросу. «Что за событие мы называем просвещением, – вопрошает Фуко, – в какой-то части предопределившее то, что мы сегодня думаем и делаем?» [23, с.335]. Ответ Фуко неожиданный и заставляющий задуматься: «Современная философия – это та философия, которая пытается ответить на вопрос, опрометчиво подброшенный ей еще два столетия тому назад: «Что такое просвещение?» [23, с.335-336].

Рассматривая этот вопрос, один из наиболее авторитетных современных российских философов Б.В.Марков исходит из того, что Просвещение в наше время – это не что иное, как *гуманистическое образование* [9]. В работах Э.Фромма проводится мысль, что задача Просвещения – прививать людям путеводные идеалы и нормы нашей цивилизации [22]. В одном из авторитетных международных гуманитарных словарей [7] в статье французского социолога М.Крубелье «Образование» высказывается следующая мысль: «Нельзя уходить от вопроса: является ли образование такой же социальной службой, как и прочие? *Не несет ли оно особой функции (курсив наш. – Авт.)*, широко выходящей за социально-экономические рамки? Не должно ли образование сохранить знание о лучших достижениях человечества и уважение к ним или по меньшей мере обозначить ориентиры их поиска в сложном лабиринте преемственности поколений и культур?» [7, с.167]. Эта особая функция образования и есть, по нашему мнению, то, что может быть обозначено термином «Просвещение».

Просвещение – это именно то, чего нередко не хватает современному образованию и воспитанию. Это касается и школьного образования и высшего, и российского и зарубежного. Встает, однако, вопрос, как конкретно осуществлять процесс просвещения в области образования и воспитания. Опыт всей мировой истории образования убеждает, что надеяться на скорое решение этого вопроса не приходится. Во все времена находились критики принятых систем образования, в том числе и за отсутствие в них того, что получило название «Просвещение». Судя по всему, это один из «вечных вопросов» человеческой культуры, и он не решается путем нахождения какой-то единственно возможной «технологии» образовательного и тем более «просветительского» процесса. Тем более его трудно осуществить в условиях массового образования. Во-первых, кто должен и может стать просветителем молодого поколения? Видимо, лишь те, кто сами достигли серьезного уровня просвещения, смогут стать просветителями других («Просветитель, просветись вначале сам»). Такого рода

просветителями нередко выступают лишь лучшие школьные и вузовские педагоги, наиболее талантливые популяризаторы науки, в том числе сами ученые, способные общедоступно, убедительно и эмоционально изложить результаты современного познания, писатели и журналисты, пишущие о науке, и другие наиболее образованные и культурные люди.

Важное значение имеет и само содержание и отбор знаний, которые становятся объектами просвещения. Видимо, нельзя составить какой-то единственный и для всех достаточный комpendиум обязательного просветительского багажа, хотя попытки такого рода нередко встречаются в виде определенных списков рекомендуемых книг, обязательных для образовательного чтения, перечня каких-то обязательных наук и т.п. Одним из наиболее интересных проектов такого рода в наше время явился труд американского профессора Б.Д.Хирша из университета Вирджинии «Культурная грамотность», где он попытался выявить базовый объем знаний, необходимых современному американцу, чтобы быть культурно-грамотным (термины «культурная грамотность» и «просвещенность», по нашему мнению, идентичны по смыслу). Но вряд ли можно говорить о каком-то общеобязательном для разных культур и времен просветительском «минимуме». Такой, например, минимум в эпоху греческого Просвещения не мог не отличаться от идеалов Просвещения более поздних веков.

Обычно, как уже отмечалось, говорят и пишут об эпохе европейского Просвещения XVIII в. Однако более правильно говорить о различных *эпохах Просвещения* и об отдельных просветителях, живущих в разные эпохи. Сам феномен Просвещения представляет такое состояние духовной культуры, когда человеческий дух находит новую точку отсчета в Разуме. История каждой значительной культуры знает время, когда прежние традиции жизни и мышления переосмысливаются. Весь предшествующий опыт в эту эпоху подвергается сомнению. Место авторитетов занимает сила рассуждений («Подвергай все сомнению» – Р.Декарт); единственной их основой признается лишь собственный разум («Просвещение – умение пользоваться собственным умом» – И.Кант). Требования ничем не стесненного разума, заключенные в принципах рациональности, приобретают универсальное и беспрекословное значение. Разум превращается в основание, мерило, ориентир, действующую силу во всех областях человеческой жизни. И сколь бы весомым авторитетом и бесспорным нечто ни было, оно обязано доказывать свою значимость перед миром рационального мышления («Пора нам выяснить, что истинно, что ложно» – Ж.-П.Мольер).

Всякое Просвещение, как правило, менее всего движимо импульсом разрушения; напротив, оно проникнуто стремлением к созиданию и поиску истины [11]. Ведь разум может отвергнуть лишь то, что противоречит его природе: заблуждения, ложь, иллюзии. Просвещение знаменует собой торжество человеческого духа, разумность становится идеалом и символом Просвещения («Да здравствует солнце, да здравствует разум» – А.С.Пушкин).

Желание разума стать всеобщей основой и мерилем может показаться чрезмерной претензией, и с точки зрения организации человеческой жизни действительно является таковой. Жизнь во всех ее моментах и начинаниях невозможно основать только на разуме в известном смысле потому, что многое в ней вообще не имеет оснований. В самом опыте человека постоянно задействуется многое, что неопределенно и не прояснено в своем существе. И в то же время притязания разума отнюдь не являются ложными и безосновательными. Они чрезвычайно плодотворны для развития культуры и потому эпохи Просвещения навсегда остаются одним из ярких проявлений их роста и силы [24].

Великому упованию на разум, с которого начинались эпохи Просвещения, в полной мере не суждено было оправдаться и раньше и теперь. Во всяком случае в том виде, в каком представлялось носителям духа Просвещения [3]. Идеалы Просвещения во многом оказались утопичны, особенно для тех эпох, для которых они были созданы. Однако именно благодаря этим идеалам и проделанной просветителями работе разумность становится одной из ключевых норм и устоев жизни. Просвещение дает культуре великий урок: оно учит культуру рациональности [14]. Только общество, пережившее эпоху Просвещения, приобретает бытие, в котором рациональность будет постоянно действующим и устойчивым фактором, и получает прививку от безумия или апатии.

Главной идеей всякого Просвещения, таким образом, является опора на Разум. Однако понимание самого разума в разные эпохи Просвещения было различным. Когда европейские просветители XVII-XVIII вв. стали говорить о разуме («Как известно, золотым веком рациональности явилась эпоха Нового времени и Просвещения» – В.С.Швырев) [24, с.5]. Они подразумевали мышление, свободное от предрассудков и предвзятости, ориентированное на познание объективной истины и организующее себя в соответствии с идеалом научного исследования. Однако иное имели в виду, ссылаясь на разум, древнегреческие философы-просветители, с которыми обычно связывают первую эпоху Просвещения – философы-софисты. Они тоже ставили под сомнение прежний культурный опыт, расхожие мнения и общепринятые устои. Однако для них носителем разума является *не ученый*, строгий исследователь природы, а *гражданин*, обладающий своей позицией в важнейших жизненных вопросах, способный отстаивать эту позицию и убеждать других в ее правильности.

Античный просветительский рационализм софистов вырос на почве рационализации отношений гражданской жизни, общественных норм, обычаев и нравов. Разум греческого Просвещения – это разум «политический» и нравственный; его главное свойство – способность свободной личности верно осознавать и осуществлять свои интересы, соизмеряя и соотнося их с интересами сограждан и полиса в целом.

Просвещенный человек в античности – *Homo Dicens* («Человек говорящий») – человек владеющий речью, умеющий поддерживать непринужденную беседу и заявлять о себе публичным выступлением, способный отстаивать свои взгляды перед оппонентами, опровергать чужие аргументы и находить убедительные доводы в свою пользу. Закономерно, что в середине V в. до н.э. возникает *риторика*, основателями и платными учителями которой и стали софисты – первые греческие просветители. Умение говорить неотделимо от умения мыслить. Построение речи определяется логикой мышления. Не случайно первые учителя красноречия и назывались софистами (мудрецами). Говорить, рассуждать, мыслить, понимать – превратилось в единый процесс и умение. Особенно важно это стало в связи с изменением роли традиционных авторитетов в классическую эпоху. В V в. до н.э. и наступил первый в истории «век разума» – *эпоха греческого Просвещения*.

Однако наиболее яркой и значительной эпохой Просвещения, повлиявшей на всю позднейшую культуру и особенно наиболее близкая нам по духу, явилась эпоха европейского Просвещения XVII–XVIII вв. Разум Просвещения Нового времени, в отличие от разума греческих софистов, – это не разум риторики, а в первую очередь *разум познания, интеллекта, науки*. Арбитром истины служит здесь не диалог мнений (как у греков), а научный опыт, эксперимент. Разум, который в античную эпоху был погружен в стихию речи и поступка, в новоевропейской культуре с помощью науки становится знанием вещей «самих по себе», т.е. *знанием объективным* [13].

Обе эпохи Просвещения – и греческая, и Нового времени – оказали значительное влияние на формирование прогрессивных для своего времени систем образования. Для греков именно риторика стала основой *софистического образования*, особенности которого привлекают внимание и современных исследователей [5]. Софистика впервые превратила образование и воспитание в самостоятельную деятельность, требующую особой социальной организации и специальных профессиональных усилий. Она показала, что для становления человеческого ума, нравственности и профессиональной подготовки недостаточно естественного течения самой жизни. Нашему сознанию этот принцип кажется само собой разумеющимся, но когда-то его надо было открыть, что и сделали софисты. Можно сказать, что софисты учредили сам *институт образования*, который с тех пор становится неотъемлемым элементом культурной жизни.

В современной образовательно-педагогической литературе до сих пор превалирует в основном прагматический подход к анализу принципов и целей образования, а вопросы просвещения, как уже отмечалось, рассматриваются лишь в свете философии Просвещения прошлых эпох. В настоящее время вопросы просвещения приобретают статус не только исторический, но и вполне современный. Все чаще встают вопросы не только о современном образовании, но и о современном просвещении [2, 4, 12].

Серьезная критика современного образования (как школьного, так и высшего) обращает внимание на дефицит в образовании именно просвещения, т.е. умения говорить и мыслить, общей культуры, самостоятельности и критичности мышления и многие другие моменты, сформулированные еще просветителями прошлого. Встает, однако, принципиальный вопрос: можно ли считать, что наше время требует своих особых просветительских идей, в чем-то являющихся продолжением старых, но на базе новых достижений науки и новой жизненной практики. Знакомство с современной литературой убеждает, что, видимо, пора говорить и об эпохе просвещения нашего времени [8]. Так, например, в работах известного современного просветителя, английского философа Б. Рассела рассматриваются вопросы современного рационализма, современной философии, науки и современных суеверий, фанатизма и терпимости, свободомыслия и др. [26]. Бесспорно, крупными современными просветителями можно считать Станислава Лема, Айзека Азимова, Рэя Брэдбери, Стивена Хокинга, Карла Сагана, Леонарда Млодинова, Ричарда Фейнмана, Аркадия Мигдала и др. Имеют место исследования эволюции просветительских идей, связи просвещения прошлого и настоящего [15].

Таким образом, в настоящее время имеется немало замечательных просветительских книг и выдающихся просветителей в разных областях. И тем не менее эта линия просвещения до сих пор лежит вне общего мейнстрима современного образовательного процесса и захватывает лишь отдельных любознательных людей в рамках их самообразования. Общий же мейнстрим явно прагматического направления и продолжает готовить более или менее знающих в определенных областях специалистов (инженеров, врачей, экономистов и т.п.), получающих среднее и высшее образование, но находящихся в массе своей вне того Просвещения, о котором мы говорим и о котором всегда писали просвети-

тели. Современный английский физик и философ Дэвид Дойч в своем недавно опубликованном труде «Начало бесконечности: Объяснения, которые меняют мир» высказал верные, на наш взгляд, суждения по проблеме современного образования и отсутствия в нем именно просвещения. «Современные методы образования до сих пор имеют много общего со своими предшественниками из статичных обществ. Несмотря на современные разговоры о поощрении критического мышления, обучение повторением и прививание стандартных моделей поведения путем психологического давления все еще остаются неотъемлемой частью образования, даже несмотря на полный или частичный отказ от них в явной теории... До сих пор принимается как само собой разумеющееся, что главной целью образования является верная передача стандартного учебного плана. Одно из следствий этого заключается в том, что люди усваивают научные знания в обескровленном, инструментальном виде. Без критичного, дифференциального подхода к тому, что они изучают, большая часть людей не реплицируют результативно в свое мышление мемы науки и разума. И поэтому мы живем в обществе, где люди могут целыми днями добросовестно считать клетки в образцах крови с помощью лазерных технологий, а по вечерам сидеть, поджав ноги, и песнопениями вытягивать из Земли сверхъестественную энергию» [4, с.494-495].

Каковы теоретические и особенно практические возможности взаимопроникновения сегодня образования и просвещения, если под последним понимать зрелое сознание человека, его воспитанность и культуру? С теоретической, принципиальной точки зрения, здесь вроде бы многое достаточно ясно [17]. Однако до внедрения теоретически ясных выводов в массовую практику образования пока так же далеко, как и десятки лет тому назад. До сих пор, по выражению Дойча, преобладает то самое «инструментальное знание», заполняющее страницы бесчисленных учебников практически по всем дисциплинам, которые напоминают не столько просветительские работы, сколько, по остроумному выражению известного ученого, «инструкции по использованию пылесосов». В связи с этим вспомним хотя бы содержание всем известного фильма на эту тему «Доживем до понедельника»; хотя после появления этого фильма прошло немало лет, практически в образовании ничего не изменилось. Здесь, видимо, срабатывает во многом социальный запрос: обществу (и учителям и ученикам) необходимы на выходе индивиды, способные успешно сдавать тестовые и иные экзамены, где требуется знать однозначные ответы на однозначные вопросы, а все остальное – необязательная «лирика».

Общепринятой давно является и точка зрения, что то, что мы называем просвещением, – задача в основном гуманитарных и социальных наук, а естественные науки дают лишь точные знания, не имеющие к просвещению прямого отношения. При таком подходе решение проблем просвещения, культуры, воспитания многие видят в том, чтобы включить в учебные планы технических и иных вузов несколько социальных и гуманитарных дисциплин (философию, историю и т.п.). Однако вряд ли просвещение можно связывать лишь с гуманитарными науками; любые научные знания, в том числе из области естественных наук и даже математики [1], способны просвещать людей не хуже гуманитарных наук при правильной их подаче и, наоборот, даже любая гуманитарная область теряет свою просветительскую ценность в соответствующем изложении.

Вопросы просвещения и успешность в этом плане, как уже отмечалось, в конечном счете зависят от наличия соответствующих «просветителей», так как далеко не каждый, сведущий в какой-то области педагог способен выполнять эту задачу (вспомним еще раз «Доживем до понедельника», он именно об этом). И если в каком-то учебном заведении (в школе или в вузе) таких просветителей собирается достаточное количество, складывается просветительский педагогический коллектив единомышленников, отдельные классы, школы и вузы, способные через знания и соответствующий образ жизни прививать людям культуру. Но их всегда было немного, хотя их роль в социуме не измеряется лишь количеством.

В обществе, таким образом, всегда имеется определенное количество широко образованных, культурных людей, способных влиять на просвещение как отдельных людей, так и общества в целом. Это могут быть люди разных профессий: ученые, популяризаторы науки, философы, писатели, научные фантасты, деятели культуры. Последние десятилетия в России, например, много сделал в области просвещения, теоретического и практического, известный философ МГУ профессор В.А.Кувакин. Он автор ряда книг и статей на темы просвещения, образования и гуманизма, был главным редактором просветительского журнала «Здравый смысл», руководителем Российского просветительского гуманистического общества. Одним из наиболее известных современных западных просветителей является американский философ Пол Куртц, много лет бывший президентом Международного гуманистического и этического союза. Согласно просветительской концепции П.Куртца [25] и В.А.Кувакина, «изначальный смысл просвещения не меняется, он только уточняется с развитием человечества» [8, с.10], и на рубеже XX-XXI вв. постепенно рождается Новое Просвещение, на основе которого можно и нужно создавать Новое современное образование [21].

Убедительным примером такого Нового современного Просвещения является, например, труд П.Куртца «Новый скептицизм: Исследование и надежное знание» [25]. Скептицизм сопровождает, как известно, всю историю философии; особенно важную роль он играл в эпохи греческого и европейского Просвещения XVII-XVIII вв. В своей работе П.Куртц показывает, что каждая эпоха, в том числе и современная, нуждается в своем скептицизме (как, впрочем, и в иных своих мировоззренческих ориентирах, соответствующих уровню развития науки, историческим событиям, культуре и т.п.). Куртц исследует Новый скептицизм в тех аспектах, которые стали особенно актуальными и даже парадоксальными в наше время. Последний характеризуется необычным сочетанием высокого уровня развития науки, небывалого технического прогресса, всеобщего обязательного массового образования (по крайней мере, в цивилизованных обществах) и в то же время небывалым распространением различного рода мифологических верований в паранормальное, в чудеса, в астрологию, во всемогущество экстрасенсов и т.п. Книжные универмаги буквально завалены эзотерической литературой, с экранов телевизоров вещают колдуны, парапсихологи и целители, реклама пропагандирует сомнительные медицинские рецепты и т.д. Люди давно летают в космос и побывали даже на Луне, а социологические опросы свидетельствуют о еще значительном числе людей, убежденных, что именно Солнце вращается вокруг Земли, а американские астронавты были, оказывается, не на Луне, а на территории Голливуда. Ученые-просветители в ответ на это нарастающее массовое мракобесие пишут книги под названием «В защиту науки» или «Против шарлатанства», а ученые РАН в 1998 г. создали даже специальную Комиссию по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, которую возглавляет петербургский физик академик Е.Б.Александров, а одним из ее членов был Нобелевский лауреат академик В.Л.Гинзбург.

Лженаука имеет в настоящее время множество различных форм и направлений. Помимо различного рода Чумаков, Кашпиоровских и Ури Геллеров она становится, особенно в России, нередко чуть ли не официальной атрибутикой общества, организована в свои академии, научные общества, у нее есть покровители в СМИ и даже в отдельных структурах государства. Лженауку (псевдонауку) пытаются ввести в официальные классификаторы ВАК и в скором времени, возможно, будут защищать диссертации по парапсихологии, экстрасенсорике, биопатогенным зонам и т.п.

Все это убеждает в том, что само по себе даже высшее образование, но без должного научного просвещения далеко не всегда способно защитить науку и само образование от различного рода псевдонаучных и антинаучных идей, в том числе и в самом образовании. Ссылки лишь на просветительские идеи прошлого здесь далеко не всегда убедительны.

Многие замечательные сами по себе идеи античного Просвещения и особенно Просвещения новоевропейского в XX в. прошли жесткую проверку, и оказалось, что они к ней далеко не вполне готовы [3]. Одной из серьезных ошибок Просвещения прошлого была явная идеализация человека и излишне утопический оптимизм в понимании общественной жизни. Им была явно проигнорирована эмоциональная и иррациональная сторона человеческой природы, ее потенциальная склонность к нигилизму и деструктивности, к жажде власти и насилию. Возможности разума были переоценены, а свобода ассоциировалась в основном со свободой лишь разума и познания, практически без учета того, что свобода может быть иррациональной и разрушительной стихией, не подвластной голосу разума. В свете величия разума стало умиляться величие самого человека как такового. В результате продукты разума: идеи, теории, идеологии, – стали цениться больше, чем реальный человеческий индивид, его жизнь и права. Особенно ярко эти недостатки классического Просвещения стали видны на фоне трагедий двух мировых войн XX в. и появления в ряде стран особо деспотических режимов. Дух Просвещения, к сожалению, не победил еще духа насилия, фанатизма и иррационализма.

После политических и идеологических катастроф XX в. и упомянутого выше небывалого распространения в массовом сознании различного рода мифологии, лже- и псевдонауки современное Просвещение уже не может пониматься по-прежнему: как свет, идущий сверху вниз от великих философских и политических умов. Задача человека – этот свет не пассивно воспринимать, тем самым как бы «просвещаясь», обретая вечные истины разумного, доброго и вечного. Классическое представление о просвещенном человеке и просвещенном обществе должно, видимо, смениться чем-то иным.

В свете этого нового понимания Просвещения главная задача сегодня – не просто «осветить» («просветить») человека, как уже отмечалось, сверху вниз и тем более не манипулировать им, а предложить концепцию, способную научить человека просвещаться самостоятельно, изнутри, уметь пользоваться собственным «фонарем Диогена». Осуществить это практически на уровне современного массового образования вряд ли пока возможно. Но стремиться к этому как к позитивной цели нужно. Если в обществе хотя бы меньшинство станет не только профессионально подготовленным, но и просвещенным, это будет большое социальное достижение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд В.И. Нужна ли в школе математика? М.: МЦНМО, 2004. 30 с.
2. Васин В.М.. «Антиинтеллектуальные» размышления двух людей, живущих по разные стороны океана / В.М.Васин, Б.А.Кулик. М.: РГО, 2003. 143 с.
3. Грей Д. Поминки по Просвещению: Пер. с англ. М.: Практикс, 2003. 368 с.
4. Дойч Д. Просвещение // Дойч Д. Начало бесконечности: Объяснения, которые меняют мир: Пер. с англ. М.: АНФ, 2014. С. 490-495.
5. Кассен Б. Эффект софистики: Пер. с фр. М.-СПб: Универс. книга, 2000. 238 с.
6. Краткая философская энциклопедия: Пер. с нем. М.: Прогресс-Энциклопедия, 1994. 576 с.
7. Крубелье М. Образование // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под ред. М.Ферро и Ю.Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С.167-169.
8. Кувакин В.А. Личность и Просвещение: от постмодернизма к неомодернизму. М.: РГО, 2011. 200 с.
9. Марков Б.В. Наука и жизненный мир // Наука и ценности / Под ред. М.С.Кагана и Б.В.Маркова. Л.: ЛГУ, 1990. С.179-183.
10. Математическое просвещение. М.: Гостехиздат, 1957. Вып.1. 123 с.
11. Мигдал А.Б. Поиски истины. М.: Молодая гвардия, 1983. 293 с.
12. Огурцов А.П. Образы образования. Западная философия образования. XX век / А.П.Огурцов, В.В.Платонов. СПб: РХГИ, 2004. 520 с.
13. Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. М.: ИФРАН, 1993. 213 с.
14. Омельчук Р.К. Идеалы и идолы. СПб: Владимир Даль, 2013. 572 с.
15. От Эразма Роттердамского до Бертрана Рассела (Проблемы гуманизма и свободомыслия). М.: Мысль, 1969. 303 с.
16. Просвещение // Новая философская энциклопедия: В 4 т./ ИФРАН. М.: Мысль, 2010. Т.3. С.366-369.
17. Попков В.А. Критическое мышление в контексте задач высшего профессионального образования / В.А.Попков, А.В.Коржув, Е.Л.Рязанова. М.: МГУ, 2001. 168 с.
18. Просвещение // Философский словарь / Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»; Сост.: Б.Я.Пукшанский, А.В.Рыбчак. СПб, 2012. С.53-55.
19. Пукшанский Б.Я. Научные знания и научное просвещение в процессе современного образования // Записки Горного института. 2005. Т.163. С.144-145.
20. Солженицын А.И. Образованщина // Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? СПб: Азбука, 2015. С.76-113.
21. Философия образования. СПб: СПб философское общество, 2002. 476 с.
22. Фромм Э. Здоровое общество // Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе: Пер. с англ. М.: АСТ, 2005. С.6-414.
23. Фуко М. Что такое Просвещение? // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Часть 1: Пер. с фр. М.: Практикс, 2002. С.335-359.
24. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс, 2003. 176 с.
25. Kurtz P. The New Scepticism: Inquiry and Reliable Knowledge. Buffalo, New York: Prometheus Books, 1992. 360 p.
26. Russell B. The Art of Philosophizing and Other Essays. New York: Philosophical Library, 1968. 240 p.

Автор Б.Я.Пукшанский, д-р филос. наук, профессор, pukshanskiy@spmi.ru (Санкт-Петербургский горный университет, Россия).

Статья принята к публикации 14.06.2016.